

*Metaphors and comparisons as a Means of Rethinking the
Phenomena of the Surrounding World*

AL Abdali Yusra Akram Mustafa,
Lecturer Department of Russian-College of Languages
yusraakrammustafa@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.31973/aj.v1i143.3673>

ABSTRACT:

The article characterizes metaphors and comparisons as a means of rethinking the phenomena of the surrounding world; two directions are named within which metaphors and comparisons are studied: 1) the linguo-classification direction combines several classifications of metaphors and comparisons, which are basically focused on comparing two denotations through the meanings of word forms that are part of the trope; 2) the theoretical and conceptual direction is associated with the concept of conceptual displacement and is the basis of the theoretical and methodological study of metaphor and comparison, i.e. the modern theory of metaphor is being formed; The main attention is focused on the comparative concept of Aristotle, which postulates that a metaphor is a hidden comparison, that is, a metaphorical statement is based on a comparison or similarity of two or more objects.

Keywords: metaphors, comparisons, linguo-classification and theoretical-conceptological directions, Aristotle's comparative concept.

**метафоры и сравнения как средства переосмысления явлений
окружающего мира**

Аль Абдали Юсра Акрам Мистафа
преподаватель
кафедры русского языка факультета языков
Багдадского университета
yusraakrammustafa@gmail.com

Аннотация

В статье охарактеризованы метафоры и сравнения как средства переосмысления явлений окружающего мира; названы два направления, в рамках которых изучаются метафоры и сравнения: 1) лингво-классификационное направление объединяет несколько классификаций метафор и сравнений, которые в своей основе ориентированы на сопоставление двух денотатов через значения словоформ, входящих в состав тропа; 2) теоретико-концептологическое направление связано с понятием концептуального смещение и является основой теоретико-методологического изучения метафоры и сравнения, т.е. формируется современная теория метафоры; основное внимание сосредоточено на сравнительной концепции Аристотеля, которая постулирует, что метафора - это скрытое сравнение, то есть метафорическое высказывание базируется на сравнении или сходства двух или более объектов.

Ключевые слова: метафоры, сравнения, лингво-классификационное и теоретико-концептологическое направления, сравнительная концепция Аристотеля.

Постановка вопроса в общем виде. Современная лингвистика может быть характеризована антропоцентрической направленностью научных исследований, ведущими аспектами которых являются *категоризация* (R. Langacker, E. Rosch) и *концептуализация* (С. Воркачев, Е. Кубрякова, И. Стернин) *явлений окружающего мира*, а также *вербализация ментальных структур в разных языках* (А. Wierzbicka). Такая постановка проблемы в антропоориентированных студиях актуализирует изучение таких феноменов, как *картина мира* (О. Корнилов, В. Маслова), *речевые и культурные стереотипы* (И. Кобозева), *национально-маркированные языковые единицы*, среди которых особую важность представляют *метафоры* (M. Black) и *сравнения* (компаративные фразеологические единицы), функционально направленные на познание человеком предметов или явлений объективной действительности (см. труды Н. Алефиренко, Л. Золотых, Л. Лебедева).

Анализ последних исследований и публикаций. В конце XX – начале XXI ст. в языкознании сформировались «не только отдельные самостоятельные направления исследования *метафоры*, в частности *лингвокультурологический*» [Апресян 1993, с. 15–27]. В научной традиции при изучении *сравнений* как компаративных фразеологических единиц наблюдается определенная «фрагментарность исследований в этой сфере, которые представлены единичными научными трудами» [Девидсон 1990, с. 71]. Некоторые исследования посвящены анализу конструкций, построенных по модели сравнений: *компаративных фразеологизмов, фразеологических символов*.

Формулирование целей статьи (постановка задания). Цель статьи – охарактеризовать метафоры и сравнения как средства переосмысления явлений окружающего мира

Изложение основного материала. Ведущую роль при создании языковой картины мира занимают процессы *семантического переосмысления*, поскольку появление нового значения опирается на предварительно полученные знания. «Они отличаются национально-культурной спецификой, так как содержат элементы предыдущего мировоззрения нации» [Петров 1991, с. 51]. Особую образность и креативность имеют *метафора* и *сравнение*. Соотнесенность метафоры и сравнения с индивидуальным уровнем языковой компетенции объясняет определенную роль в ней человеческого фактора и ее ориентацию на антропоцентрическое построение, которое оперирует аналогией.

Тайна метафоры и сравнения кроется в трудах мыслителей, начиная от Аристотеля до Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета и мн. др. В метафоре и сравнении стали наблюдать источник к осмыслению мышления человека и основных процессов формирования не просто

национально-специфического восприятия мира, но и его универсального образа. Среди многочисленных лингвистических концепций метафоры, наиболее известной на сегодняшний день остается *сравнительно-сопоставительная теория*, которую в свое время разработал Аристотель. Представленные варианты этой концепции объединены положением о том, «что *метафора* – это скрытое сравнение, т.е. метафорическое высказывание базируется на сравнении или сходстве двух и / или более объектов» [Арнольд 1973, с.303]. Такое сходство может быть двух видов: если *перцептивные метафоры* связывают объекты по существующим сходствам, то *неперцептивные* – по относительным сходствам, что не воспринимается органами чувств. По Аристотелю, «переносное значение – это неприсущее название, которое было перенесено из рода на вид или с вида на вид» [Аристотель 2000, с. 7].

Сравнительно-сопоставительные теории метафоры не дают объяснения механизму метафорического процесса, поэтому и вызывают справедливую критику со стороны противников этой концепции, поскольку метафора «нацелена на идентификацию объектов, а целью сравнения является нахождение сходных черт объекта, не идентифицируя их» [Гальперин 1977, с. 143]. Кроме этого, метафора и сравнение имеют как формальные, так и семантические различия [Арутюнова 1990, с. 27].

В XX ст. было предложено два основных направления касательно изучения метафор и сравнений: *лингво-классификационный* и *теоретико-концептологический*.

Первое – *лингво-классификационное* – направление объединяет несколько классификаций метафор и сравнений, которые в своей основе, как правило, «ориентированы на сопоставление двух денотатов через значения словоформ, которые входят в состав тропа» [Шмелева 1985, с. 87]. «При создании типологии для анализа сенсорных сторон лексических компаративных тропов учитывается взгляд В. Тарасовой» [Тарасова 1976, с. 25], которая распределила компаративные тропы на *метафоры отношения* и *метафоры качества*. Действительно, такое распределение достигает научных и эстетических взглядов Аристотеля, но В. Тарасовой удалось обогатить этот подход интересными примерами и комментариями к ним.

К. Тарасова говорит, что относительный перенос по функции часто называют особым лексико-семантическим смещением, которое нельзя относить ни к группе метафорических, ни к группе метонимических переносов [Тарасова 1976, с. 37]. При этом изучение переносов по функции демонстрирует то, что в их основе прослеживается сходство двух денотатов в функциональном плане. Данные совпадения, безусловно, можно считать неполными и частично затуманенными, однако период сопоставления дает возможность создать функциональное перемещение разновидностью метафорического.

Необходимо отличать тропы, которые были созданы на семантической основе общих внутренних, существенно важных жизненных признаков, от относительных чисто функциональных компаративных тропов. Такие признаки тоже несут определенную функциональную нагрузку, но, во-первых, в семантике сравнительного тропа по функции в большей степени присутствует авторская свобода, неестественность понятийной основы; а во-вторых, семантика компаративного тропа по функции обладает наиболее выраженным ролевым характером, чем семантика компаративных тропов, которые были созданы на семантической основе общих внутренних, существенно важных жизненных признаков; в-третьих, компаративные тропы «по внутреннему признаку» чаще всего не имеют двух частей переноса.

Все разновидности относительных компаративных тропов могут иметь разную степень образной выраженности, яркости, своеобразности. Однако, семантические противоречия между внутренней основой переноса и внешним лексическим оформлением переноса часто способствуют возникновению совершенно разных оценок образности таких компаративных тропов.

Среди качественных компаративных тропов выделяются *визуальные компаративные тропы*:

– сравнение (перенос) по форме: семантическая основа таких тропов является достаточно понятной; при этом визуальные компаративные тропы «по форме» имеют проблемную денотативную адресацию, что приводит к вариативности восприятия и даже трудности общего понимания компаративного тропа;

– сравнение (перенос) по цвету. В визуальных компаративных тропах «по цвету» достаточно часто функционирует метонимический механизм: цвет – постоянный атрибут вещества, материала, объекта. Такая смежность приводит к образованию метафоро-метонимических переносов.

На основе классификационного направления изучения метафор и сравнений были заложены основы для второго направления – *теоретико-концептологического* с его основными тремя аспектами: *семантическим, прагматическим, интеракционалистским*. Важно сказать, что это «направление связано с понятием концептуального смещения и является основой теоретико-методологического изучения метафоры и сравнения, т.е. происходит формирование современной теории метафоры» [Блэк 1990, с. 153]. Метафора считается фактом мышления, которая концептуализирует картину мира человека, а не чисто лингвистическое явление. Как известно, традиционная модель метафоры составляет двухпространственную структуру, в которой первое пространство занимает метафорическое описание, т.е. «источник», а второе – отображается метафорой. Несвершенство двухпространственной модели заключалось в том, что заложенные в ней два пространства не всегда давали возможность конструирования и интерпретации метафоры на основе знаний о мире. В связи с этим,

при интеграции они касались соседних метафор, которые использовались как соединение между пространствами. В результате этого появилось новое концептуальное пространство, которое образовалось в результате интеграции источника и цели, т.е. не укладывалось в замкнутость двухструктурной модели.

В русле *семантической тенденции* феномены метафоризации и сравнения имеют самостоятельное значение: метафора и сравнение – не только выразительное средство, но и способ смыслопорождения. Показательной в этом случае является теория напряжения. В ее интерпретации метафоры являются результатом взаимодействия двух взаимодополняющих процедур, которые находятся в напряжении – *эпифоры* и *диафоры*. Их соотношение приводит к двойному функционированию метафоры: метафора, с одной стороны, расширяет все высказывания, которые с ней граничат, а с другой – на основе этого создается новое значение.

Развивая теорию напряжения, Ф. Уилрайт характеризует метафоры как «символы, которые создают напряжение и постоянно сопровождают мышление» [Уилрайт 1990, с. 87]. Касательно определения и создания метафоры, ученый считает, что метафора является элементом Т-языка (англ. *tensive language*), т.е. «языка, который создает напряжение» (речь идет об эмоциональном напряжении), вследствие чего эффективно проводятся семантические линии, отражающие все сходства и различия. В своей работе «Метафора и реальность» он как-то отрицает отстаиваемые грамматистами разграничения между метафорой и сравнением. Ф. Уилрайт предполагает, что анализ сущности метафоры связан не с правилами грамматических форм, а с качеством семантических преобразований, которые ей свойственны [Уилрайт 1990, с. 89]. Ученый добавляет, что в метафоре выразительнее всего является именно духовная глубина, на которую объекты внешнего мира, реального или вымышленного, перемещаются с помощью воображения [Уилрайт 1990, с. 82–109]. Такой процесс перемещения Ф. Уилрайт называет *семантическим движением*; представление о таком движении является скрытым в самом слове метафора, поскольку движение в значении этого слова является семантическим движением – двойной акт распространения и сочетания, который возникает в воображении и обозначает суть метафорического процесса. Распространением он называет эпифору, а сочетанием – диафору [Уилрайт 1990, с. 85].

Иначе интерпретируется природа метафоры в *прагматическом измерении*, сторонники которого отрицают смыслообразующую функцию метафоры [Девидсон 1990, с. 71]. Д. Дэвидсон видит специфику метафоризации не в возникновении особого смысла, а наоборот, в том, что метафора, в отличие от других лексических структур, «пользуется, кроме обычных языковых механизмов, несемантическими ресурсами» [Девидсон 1990, с. 72]. «Метафора связана с образным использованием слов и предложений и полностью

зависит от обычного или буквального значения слов и, соответственно, образованных из них предложений» [Девидсон 1990, с. 72].

Прагматическая информация в лексическом значении является неоднородной по своему составу. Выделяют три ее разновидности: 1) отношение говорящего к обозначаемому; 2) отношение говорящего к адресату; 3) коннотации лексемы [Апресян 1995, с. 41–52].

Необходимо также остановиться на третьей разновидности – *коннотациях лексемы*. Это достаточно важный тип лексической информации, который относится к прагматике слова; иногда его также называют (*семантическими*) *ассоциациями*. Под *коннотациями лексемы* Ю. Апресян понимает «несущественные, но устойчивые признаки выраженного ими понятия, которые воплощают принятую в определенном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995, с. 56], «отражают связанные со словом культурные традиции, господствующие в данном обществе практику использования соответствующих вещей» [Апресян 1974, с. 67]. Очевидно, что коннотации отличаются от других видов прагматической информации тем, что они содержат в себе обращение не к индивидуальному пользователю знаком, а к языковому коллективу. Таким образом, говорящий, используя лексему, имеет определенные коннотации, не выражает этим своей личной оценки обозначаемого объекта, как, например, это происходит в случае оценки, которая входит в прагматический слой лексического значения слова «имеются в виду эмоционально-оценочные прагматичные элементы значения» [Апресян 1995, с. 62].

Исследования А. Ричардса и Д. Дэвидсона частично отражены в работах М. Блэка, который дал начало так называемому «интеракционалистскому подходу» в изучении метафоры. Интеракционистская теория М. Блэка обуславливает наличие в метафорических структурах особого значения и рассматривает *метафору* как следствие взаимодействия отдельных объектов, каждому из которых соответствует «система ассоциативно-спальных мест» [Блэк 1990, с. 153–172]. Интеракция этих систем моделирует значение метафоры, в пределах которого изменяется предыдущее значение обоих объектов: «Механизм метафоры заключается в том, что к основному субъекту добавляется система «ассоциированных импликаций», связанных со вспомогательным объектом; метафора отбирает и организует одни, полностью установленные характеристики основного объекта, и удаляет другие» [Блэк 1990, с. 153–172]. Каждая из названных сущностей добавляет к результату процесса свои системы традиционных ассоциаций, которые являются обычными стандартами в использовании языка, а также обеспечивают распознавание носителями этого языка метафорического смысла [Black 1990, с. 164–165]. Таким образом, природой метафоры М. Блэк считает взаимодействие семантических

пространств, которые принадлежат двум разным объектам, сочетая семантику и прагматику.

В русле *интеракционалистской концепции*, В. Телия предлагает разграничивать статическую и динамическую теории метафоры. Первая дает представления о языковой картине мира как результат завершённого процесса, вторая определяет «как творится языковой образ действительности с помощью того или иного языка» [Телия 1988, с. 174]. С позиций динамической теории В. Телия рассматривает *метафору* как модель смыслопорождения на основе лингвологической грамматики с привлечением к этой модели сведений о гипотетичности метафоры и антропоцентричность самой интеракции, в процессе которой формируется значение. В метафорической интеракции участвуют следующие основные гетерогенные сущности: 1) основа метафоры как мнение о мире (предмет, действие и т.д.), которая существует еще в довербальной форме; 2) образное представление о вспомогательной сущности, которая создает возможность уподобления на основе допустимого сходства; 3) переосмысленные в результате метафоризации значения языковой единицы, которая играет роль посредника между первыми двумя комплексами (с одной стороны, оно вводит в метафору именно образное представление, что соотносится с референтом этого значения, а с другой – действует как фильтр при создании нового понятия) [Телия 1988, с. 185–187]. Как утверждает В. Телия, «основа» создает референцию, а «носитель» (т.е. вспомогательный объект метафоры как некое языковое выражение его «буквальным значением») творит смысл – тот способ, который предусматривает создание нового объекта [Телия 1988, с. 185–187]. Следовательно, в этом случае наблюдается та же триада, которую предлагает А. Ричардс: мнение о мире (англ. *tenor*), основа (англ. *ground*), внереализованное понятие посредник (англ. *vehicle*).

Поскольку процесс метафоризации и сравнения основывается на семантико-ассоциативных связях человеческого опыта, то эти феномены по своей природе являются глубоко антропоцентрическими. Исходя из предположения, что человек познает мир через осознание своей предметной и теоретической деятельности в нем, категория антропоцентричности логично вписывается в современную антропоцентрическую парадигму научного знания. На основе концепций антропоцентризма Е. Бартминского [Бартминский 1997, с. 67–74], попытаемся выяснить механизмы этого явления в области целевой лексики. Поскольку антропоцентризм является не феноменом замкнутой языковой системы, а основой взаимосвязи языка и мышления (шире – сознания), то следует оперировать таким материалом, который отражал бы глубинную основу этой взаимосвязи. Это требование удовлетворяется мотивированной лексикой и всеми видами вторичной номинации, в частности метафорическими названиями, компаративными фразеологизмами или сравнениями.

Иными словами, метафора и сравнение составляют собой модель, которая выполняет в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но более сложную и такую, что действует «скрыто» и нестандартно. Как писал Р. Барт, «модель – это интеллект, который добавлен к предмету, и такое приложение имеет антропоцентрическую значимость в том смысле, что он оказывается самим человеком, его историей, которая сложилась его волей и даже тем сопротивлением, которое природа оказывает на его ум» [Барт 1989, с. 255]. Эти модели отличаются эксплицитностью и имплицитностью собственно механизмов сравнения.

Метафоризация и сравнение начинается с предположения сходства сформированного понятия о реалии и в чем-то сходного с ним «конкретного» образно-ассоциативного представления о другой реалии. Это предположение считается основным для метафоризации и сравнения, что является модусом метафоры, которому можно придать статус кантовского принципа фиктивности, смысл которого выражается в форме «якобы» [Жоль 1984, с. 127]. *Модус фиктивности* обеспечивает «переход» из реального на гипотетическое, т.е. то, что мы воспринимаем как предположение. И поэтому он является обязательным условием всех метафорических процессов и сравнений. Без него просто невозможно было бы представить процессы метафорической номинации и сравнения, происходящие в сфере обозначения невидимого мира. Человек всегда стремится абстрактно интерпретировать действительность в терминах чувственного опыта, соотнося трансцендентное со своим жизненным опытом через аналогию, сопровождая ее (при наличии критического подхода) использованием «принципа фиктивности» [Жоль 1984, с. 129]. Таким образом, особенностью метафоры и сравнения является *принцип фиктивности*, который действует вместе с антропоцентричностью, характерна для создания человеком своего сознания мерой всех вещей.

Компаративная конструкция формируется путем выделения одной (только одной) эксплицитно представленного, т.е. зафиксированного и наименованного признака (не имеет значения, либо это коннотация, либо содержательный элемент лексической семантики), который служит основой сравнения. Этому признаку присущ столь определенный характер, что она часто реализует не свойство, а десемантизированную экспрессию усиления; ее нельзя заменить или устранить, разделить или дополнить другим признаком. Таким образом, «сравнение является однозначным и заявляет о сходстве вслух» [Ортони 1990, с. 183], поэтому, в отличие от метафоры, не представляется без контекста, сравнение характеризуется некоторой самостоятельностью и частичной независимостью от контекста [Ашурова 1970, с. 8].

Метафора же образуется иначе: роль семантического посредника между исходным и метафорическим значениями выполняет *символ метафоры* – не одна сема, а комплекс нескольких семантических или коннотативных элементов (неделимых,

диффузных, латентных (в глубинах семантики)), которые имеют имплицитный характер, часто создает впечатление нелогичности и, в большинстве случаев, не зафиксирован в исходном значении [Скляревская 2002, с. 91–92]. Этот комплекс признаков относится к первому денотату, который воспринимается органами чувств, абстрагируется от общей структуры всех его признаков. Следствие такого процесса происходит выявление частичной, но достаточной для условий и целей коммуникации, сходства признаков первого денотата с образом второго денотата. Имя последнего переносится на первый денотат, который сказывается уже в целостности его признаков [Никитин 1996, с. 190–191].

Это означает, что метафора в отличие от сравнения, является фиксацией его результата без объяснения, так как сравнение – это уподобление подвижных и параметризованных, а метафора является статичной. Она отражает мир, который остановился и не имеет внутренней динамики, т.е. мир сущностей, а переход от сравнения к метафоре является переходом от градуированного понятия к фактуальному [Арутюнова 1998, с. 338].

Выводы. Подводя итог, можем констатировать, что метафора и сравнение характеризуются особой образностью и креативностью, что дало возможность рассматривать их в пределах двух направлений: *лингво-классификационного* и *теоретико-концептологического*. Создание метафор и сравнений опирается на общезначимые ценности, отражая что-то характерное, установившееся в сознании. В основе метафоризации и сравнения лежит сечение, переплетение словарного значения слова с опытом человека. Основное направление этой статьи базируется на сравнительной концепции Аристотеля. Эти модели отличаются эксплицитностью и имплицитностью собственно механизмов сравнения. Основа метафорического переноса содержится внутри одной категории и определяется сходством между двумя предметами.

Список использованной литературы:

- Апресян В. Ю. 1993. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания.
- Апресян Ю. Д. 1974. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Юрий Дареникович Апресян. – М. : Наука.
- Апресян Ю. Д. 1995. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания.
- Аристотель. 2000. Поэтика. Риторика / Аристотель. – СПб : Азбука.
- Арнольд И. В. 1973. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Л. : Просвещение.
- Арутюнова Н. Д. 1998. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Нина Давидовна Арутюнова. – М. : Наука.
- Арутюнова Н. Д. 1990. Тождество и подобие (заметки о взаимодействии концептов) / Нина Давидовна Арутюнова // Тождество и подобие, сравнение и идентификация. – М. : Ин-т языкознания АН СССР.

Ашурова Д. И. 1970. Лингвистическая природа художественного сравнения (на материале английского языка) : автореф. дис. на соискание научн. степени канд. филол. наук : спец. 10.663 / Д. И. Ашурова.

Барт Р. 1989. Миф сегодня / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика : Поэтика. – М. : Прогресс.

Бартминский Е. 1997. Когнитивное определение, профилирование понятий и субъективная интерпретация мира / Е. Бартминский, С. Небжегоская // Когнитивная лингвистика конца XX века. – Минск.

Блэк М. 1990. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М.

Гальперин И. Р. 1977. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Высшая школа.

Девидсон Д. 1990. Что означают метафоры / Д. Девидсон // Теория метафоры : Сборник : [пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.] / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс.

Жоль К. К. 1984. Мысль, слово, метафора : Проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жоль. – К. : Наук. Думка.

Никитин М. В. 1996. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, – 757 с.

Ортони Э. 1990. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони // Теория метафоры. – М. : Прогресс.

Петров Н. К. 1991. Язык, знак, культура / Н. К. Петров. – М. : Наука.

Склярская Г. Н. 2002. Метафора – “свернутое сравнение”? / Г. Н. Склярская // Проблемы семантического анализа лексики : [тез. докл. междунар. конф.] – М. : Русские словари.

Тарасова В. К. 1976. Словесная метафора как знак: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / В. К. Тарасова. – Л., – 29 с.

Телия В. Н. 1988. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – М. : Наука.

Уилрайт Ф. 1990. Метафора и реальность / Филипп Уилрайт // Теория метафоры.

Шмелева Т. В. 1985. Сопоставительный анализ устойчивых сравнений у носителей русского языка и территориальных вариантов английского языка / Т. В. Шмелева // Психолингвистические исследования : Лексика. Фонетика. – Калинин : Калининский гос. ун-т.

الاستعارات والمقارنات بوصفهما وسيلة لاعادة فهم ظواهر العالم الخارجي

م. يسرى اكرم مصطفى العبدلي

جامعة بغداد/كلية اللغات/قسم اللغة الروسية

الملخص

تصف المقالة الاستعارات و المقارنات بوصفهما وسيلة لاعادة فهم ظواهر العالم الخارجي؛ يتم تسمية اتجاهين من خلالهما دراسة الاستعارات والمقارنات: (١) يجمع اتجاه التصنيف اللغوي بين عدة تصنيفات للاستعارات والمقارنات، والتي تركز بشكل أساسي على مقارنة دلالات من خلال معاني أشكال الكلمات التي تشكل جزءاً من المجاز؛ (٢) يرتبط الاتجاه النظري والمفاهيمي بمفهوم الإزاحة المفاهيمي وهو أساس الدراسة النظرية والمنهجية للاستعارة والمقارنة، أي يتم تشكيل نظرية الاستعارة الحديثة؛ ينصب الاهتمام الرئيسي على المفهوم المقارن لأرسطو، الذي يفترض أن الاستعارة هي مقارنة خفية، أي أن البيان المجازي يعتمد على مقارنة أو تشابه بين عنصرين أو أكثر. الكلمات المفتاحية: الاستعارات، المقارنات، التصنيف اللغوي والتوجهات النظرية-المفاهيمية، المفهوم المقارن لأرسطو.